

Александр Адабашьян
Анна Чернакова
Хрустальный ключ,
или Жили-были мы

Текст предоставлен правообладателем

<https://litres.ru/23463057>

*Хрустальный ключ, или Жили-были мы : [сказочная повесть] /
Александр Адабашьян, Анна Чернакова; ил. А.Адабашьяна: АСТ;*

Москва; 2017

ISBN 978-5-17-098783-2

Аннотация

<p>Эта удивительная повесть про путешествие во времени одного современного русского мальчика принадлежит перу известного сценариста, художника и актёра Александра Адабашьяна (сценарист: «Несколько дней из жизни Обломова», «Неоконченная пьеса для механического пианино»; художник-постановщик: «Раба любви», «Свой среди чужих, чужой среди своих» и др.) и режиссёра Анны Чернаковой. Герой повести попадает в прошлое своей семьи и по мере развития событий углубляется всё дальше и дальше во тьму веков, оказываясь в конце пути в XIV веке у своего пра-пра-пра-пра... – деда. Множество приключений пришлось пережить Тёме, чтобы не погибли его предки и не разрушилась его собственная семья.</p>

р> <р>И хотя, начиная своё путешествие, мальчик знает о том, какая перед ним стоит задача, – только к самому финалу он начинает осознавать, какую ответственность взвалил на свою легкомысленную голову. А. Адабашьян и А. Чернакова сняли по своей повести «Хрустальный ключ» фильм и назвали его «Жили-были мы».</р> <р>Для среднего школьного возраста.</р>

Содержание

Глава первая	10
Глава вторая	19
Глава третья	26
Глава четвёртая	34
Глава пятая	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

**Александр Адабашьян,
Анна Чернакова
Хрустальный ключ,
или Жили-были мы**

© Адабашьян А. А., 2017

© Чернакова А. Э., 2017

© Илл., Адабашьян А. А., 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Дорогие читатели – взрослые и не очень, большие и маленькие!

Это наша первая книжка. Вообще-то, мы работаем в кино. Мы – это Александр Адабашьян, художник и сценарист, и Анна Чернакова – режиссёр. И эта книжка начиналась как замысел для детского фильма-сказки. Нам очень хотелось придумать историю, которая была бы интересна детям и их родителям и где героем был бы сегодняшний мальчик, живущий в небольшом российском городке. И чтобы мальчик был непослушным, плохо учился в школе, обижал младшую сестрёнку и совсем не любил наводить порядок и делать уроки. Потому что, если бы наш герой Тёма с самого начала был круглым отличником, слушался старших, помогал младшим, знал назубок, кто такой Пётр Первый, кто построил особняк Белосельских-Белозерских на набережной Фонтанки в Петербурге и что такое «скарафаджо», – никакую сказку рассказывать было бы не за чем. Потом, мы не очень верим, что слушаться старших – это всегда правильно. Например, если слушаться такого типа, как злодей граф Мовэ, то это может грозить самыми неприятными последствиями. Поэтому мы очень советуем всем читателям держаться с ним осторожно. И не верить всему, что он рассказывает. С другой стороны, иногда бывает очень полезно слушать сверстников, или почти сверстников, как, например, гимназиста Стёпку.

Даже если первая встреча с ним закончится дракой. Потому что именно Стёпка первый догадывается, что для того чтобы всё у них с Тёмой получилось, всё сложилось правильно, ни в коем случае нельзя за собой оставлять непрощённые обиды, невыполненные обещания. И хотя из-за этого путь Тёмы и Стёпки к хрустальному ключу становится длиннее, только так можно дойти до цели.

Чтобы разобраться во всех этих сложностях, мы очень советуем детям и родителям читать нашу книжку вместе. Мы так её и назвали: «повесть для семейного чтения вслух». Тогда взрослые могут спросить о том, что они не поняли, у детей, а дети у взрослых. Или вместе рассмотреть иллюстрацию и прочесть примечание внизу страницы, где объясняются необычные слова, например, «парсуна» или «канелюра». А совсем в сложных случаях залезть в толстые книги, которые называются «Энциклопедия», или, на худой конец, в интернет.

Многое, из того, о чём мы рассказываем, произошло давным-давно и случилось на самом деле. Но часто не совсем так, как описано у нас. А иногда и совсем не так! Но пусть читатель сам расследует, что было и чего не было, где правда, а где вымысел. Падал ли Александрийский столп? Что свалилось на голову сэру Исааку Ньютону? Кто приказал, чтобы пушки стреляли варёной репой? Кто изобрёл пароплан, и при чём тут спагетти? Как появились часы на Спасской башне Кремля? И кто построил старую церковь в том городе, где

вы, наши дорогие читатели, живёте?...

Хорошего вам чтения – и увлекательного путешествия вместе с Тёмой и всеми, кого он встретит на пути.

Александр Адабашьян и Анна Чернакова

P.S. Фильм мы всё-таки тоже сняли. Называется он теперь по-другому: «Жили-были мы». Но злодей Мовэ там тоже есть. И падающий Александрийский столп. А ещё, неожиданно для нас, в эту историю пробрались новые персонажи – шестилетняя девочка Маруська, её папа Серёжа и мама Санька. А что из этого получилось, вы узнаете, когда посмотрите фильм.

Глава первая

На окраине маленького провинциального городка, окружённого хвойным лесом, на берегу неширокой реки стоял каменный дом с деревянным мезонином. В доме была детская, в ней кроватка, а в кроватке спала рыжая девочка Маша пяти лет. Голова её лежала на большой книжке, которую Маша, видимо, читала на ночь да так и уснула, заложив пальцем страницу.

Старые каминные часы в гостиной пробили пять раз, потом заиграли очень красивую мелодию старинного танца «менуэт». И тогда Маше приснился Звездочёт – в длинном синем балахоне с серебряными звёздами, в круглых очках с длинным носом, с седой козлиной бородой и в высоком островерхом колпаке, отороченном вытертым заячьим мехом.

Звездочёт склонился над девочкой, вытащил из-под её головы книжку.

– Дитя моё! – сказал он скрипучим басом, – не хочешь ли ты сотворить чудо?

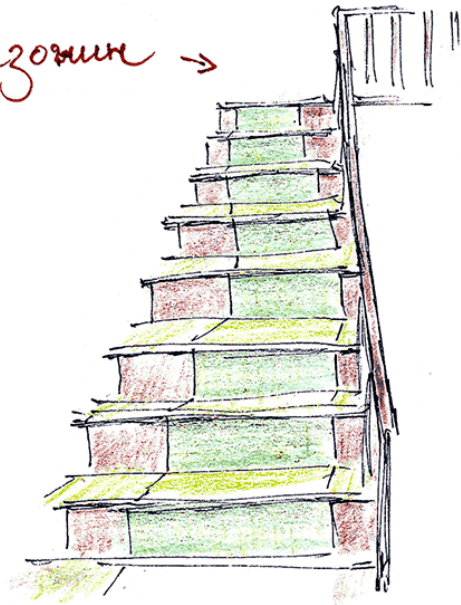
Маша проснулась.

– Хочу! – Она соскочила с кровати. Но тут же взглянула на Звездочёта недоверчиво. – А вы мне, что ли, снитесь?

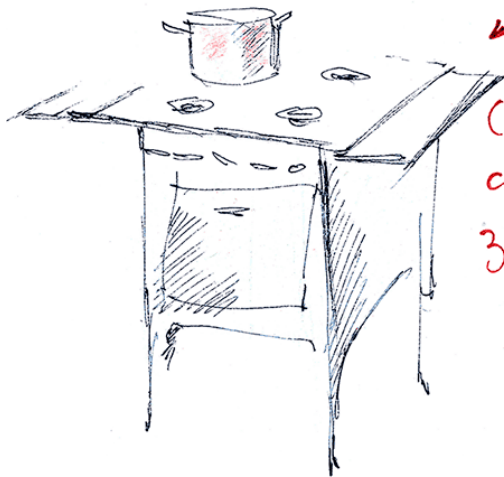
– Ну, типа того, – Звездочёт взял её за руку и повёл за собой.

Они на цыпочках прошли по скрипучим половицам коридора – мимо кухни со сверкнувшими кастрюлями на плите, мимо лестницы в мезонин, мимо папиного кабинета... У двери, к которой был прилеплен большой плакат со знаменитым футболистом Белосельским-Белозерским, Маша остановилась.

Лестница в резюме →

Кастриля
(ее нужно
заполнить)
↓

↓ Плита на
кухне.

(ее также
стоит
заполнить)

Плакат со знаменитым
футболистом
Белосельским —
Белозерским.
(вид сзади)

– Дядя Звездочёт, а можно мы моего брата Тёму с собой
возьмём? – спросила она шёпотом.

Звездочёт остановился, закрыл в задумчивости глаза,
поднял палец к небу.

– Нет, – объявил он. – К нему нельзя. Ему сейчас снит-

ся, что он с Вальтером Скоттом открывает Северный полюс¹. Там очень холодно, а ты вон как одета.

Маша посмотрела на себя – была она в ночной рубашке и в тапочках с кроличьими ушами.

– Лучше мы ему устроим сюрприз, – прошептал Звездочёт, склонившись к её уху.

Сюрприз? Маша захлопала в ладоши – очень тихо, чтобы не разбудить Тёму. Звездочёт приложил палец к губам, осторожно проскользнул в комнату. А вышел оттуда со школьным рюкзаком. Снова приложил палец к губам и поманил Машу за собой.

Они спустились по ступенькам крыльца во двор.

Вдалеке, в предрассветном тумане, виднелись силуэты высотных зданий в новом квартале городка, заросший зеленью островок посреди реки и старая церковь в строительных лесах на другом берегу.

Посреди двора рос высокий старый разлапистый вяз, а под ним была устроена детская площадка. Видимо, устроена она была очень давно, когда дети были ещё совсем маленькими. Потом эти дети выросли, у них появились свои, и они тоже подросли, вот от площадки и остались только пустая песочница, старые качели из длинной доски между двумя маленькими столбиками, и турник, на котором дремал пожилой павлин.

¹ Звездочёт перепутал. Вальтер Скотт – это знаменитый шотландский писатель, а к полюсу, но только не Северному, а Южному ходил тоже Скотт, но Роберт.

Звездочёт воздел руки к небу.

– Скарафаджо! – торжественно произнёс он и поставил рюкзак на качели. – Дитя моё, чтобы сотворить чудо, ты

должна разбежаться и прыгнуть на другой край доски.

Маша послушно разбежалась и прыгнула. Рюкзак взлетел вверх и застрял в кроне дерева. Маша перепугалась. Звездочёт погладил её по голове, взял за руку.

– Мы бы могли совершить чудо прямо сейчас, но ты же сама захотела сделать сюрприз брату! Когда он проснётся, вы с ним встанете под вязом. Вместе скажете «скарафажо», ты повернёшь это волшебное колечко... – Он надел ей на палец маленькое чуть кривое колечко. – И из мешка...

– Тёмкиного рюкзака, – поправила Маша, не отводя глаз от колечка.

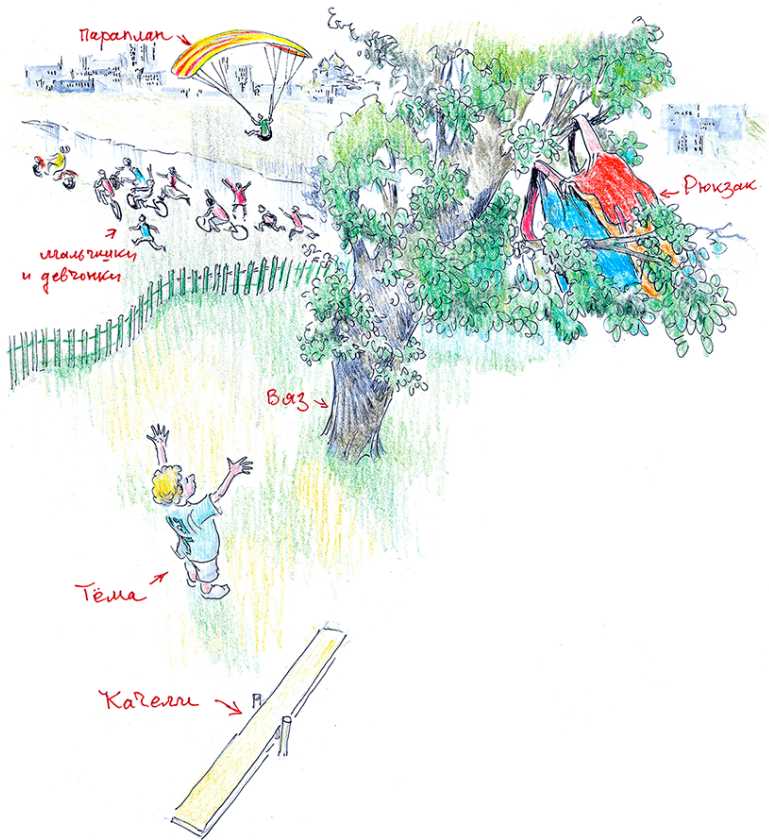
– Не перебивай! Из этого мешка посыплются финики, марципаны... шоколад, орехи в сахаре....

Павлин открыл один изумлённый глаз, разинул клюв, чтобы что-то прокричать, но, встретившись взглядом со Звездочётом, сделал вид, что ничего не слышал, и снова задремал.

Глава вторая

Совсем рассвело. Зазвенели трамваи, заторопились на работу взрослые. Над рекой полетел жёлто-красный парашют, за ним по косовету с криками промчались мальчишки и девочки на велосипедах и скутерах.

По улице проехала открытая легковая машина, за рулём которой сидела загорелая блондинка, а на заднем сиденье, высоко подняв загипсованную ногу, ехал травмированный футболист Белосельский-Белозерский.

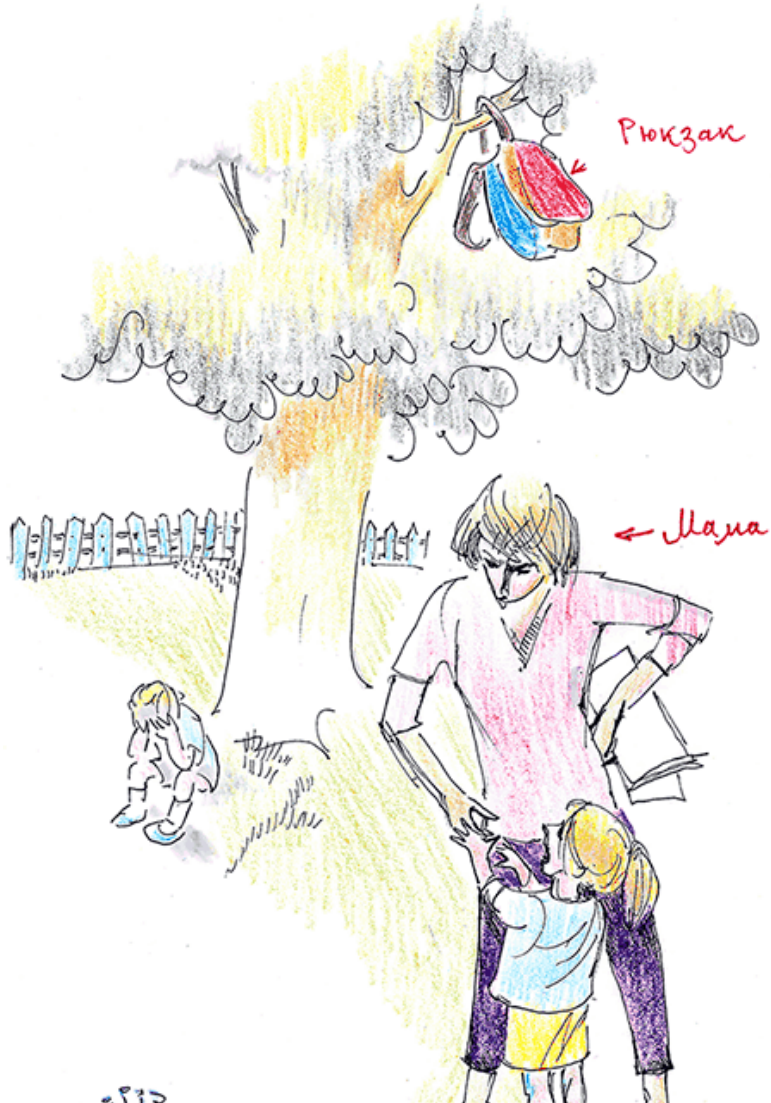

Во дворе под вязом стоял брат Маши Тёма, рыжий мальчик двенадцати лет, в шортах ниже колен, кроссовках, бейсболке и футболке с номером «7» и буквами «Б-Б», что значило Белосельский-Белозерский. Тёма с горечью объяснял

родителям, что больше никогда, никогда не сможет пойти в школу! В рюкзаке, который неизвестно как оказался высоко в ветвях, его учебники, ручки, карандаши, дневник, роликовые коньки, а, главное, все уроки, приготовленные на неделю вперёд! Он громко всхлипывал от отчаяния.

Старый павлин, клевавший траву в углу двора, настороженно покосился на Тёму и на всякий случай отошёл от дерева подальше.

Маша с гордостью сказала, что это сделала она. А сейчас случится настоящее чудо. Она повернула волшебное колечко, щёлкнула пальцами и произнесла: «Скарафаджо!» Но рюкзак по-прежнему висел на ветке, и не посыпались из него ни марципаны, ни финики.

Рюкзак

← Мама

Мама, нахмурившись, крепко взяла Машу за руку, сдёрнула с её пальца колечко.

– Не кажется ли тебе, что ты слишком мала, чтобы сочинять сказки? Во-первых, это не волшебное кольцо, а петелька от банки, скорее всего, от банки с очень вредным шипучим напитком, который вам категорически запрещено пить!

Она бросила петельку в бурьян у забора. Маша расплакалась, но мама её шлёпнула. Павлин подбежал, клюнул петельку и тут же с отвращением выплюнул.

– В этих напитках, – продолжила мама, – как я вам уже неоднократно говорила, содержатся такие вещества, которые не только детям...

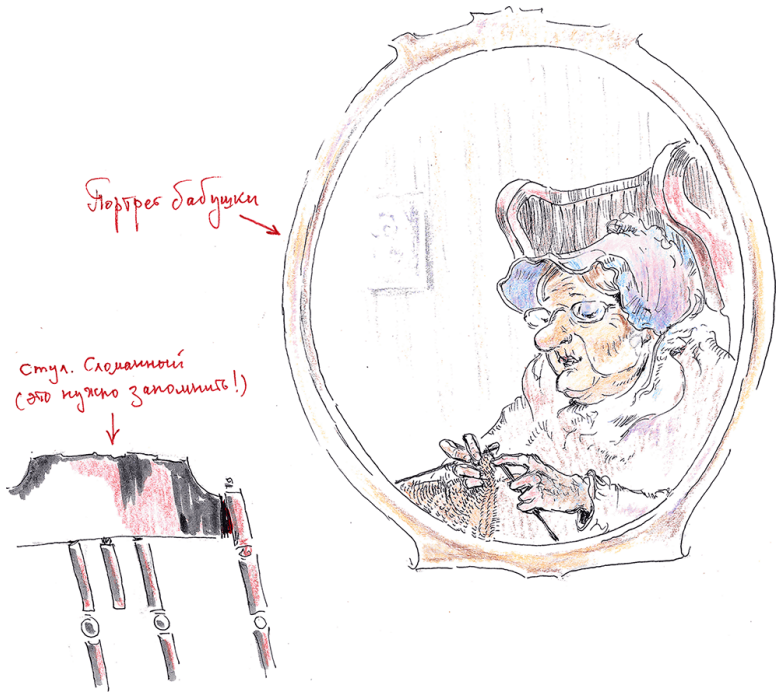
– Нет, это не от напитка, – рыдая, перебила её Маша. – Это волшебное! Это мне Звездочёт дал! Теперь чудо не случится никогда! А Звездочёт так здорово всё придумал, с рюкзаком, с марципанами...

Папа молча стоял в стороне. При слове «звездочёт» он нахмурился. Коротко покосился на Тёму. Тот, пригорюнившись, сидел под деревом. Тогда папа посмотрел на павлина. Павлин еле заметно кивнул, потом повернулся и, волоча хвост, неторопливо пошёл к забору.

Мама ещё продолжала объяснять Маше, что так же, как химические вещества калечат печень, ложь калечит душу, – когда папа быстрыми шагами поднялся на крыльцо.

Под лестницей была дверь в чулан, напротив висел ста-

ринный фотографический портрет папиной мамы Марии Николаевны, для Маши и Тёмы – бабы Маруси. На портрете она спала в высоком вольтеровском кресле.

Когда папа распахнул дверь чулана, бабушка на портрете проснулась, зевнула и с интересом, вытянув шею, через его плечо заглянула внутрь.

В чулане был страшный беспорядок. Баба Маруся пока-

чала головой. В углу, наспех припрятанный, лежал старый карнавальный костюм Звездочёта с маской, круглыми очками, картонным носом и козлиной бородой. Тут же валялся островерхий колпачок, отороченный мехом. Папа со вздохом поднял костюм. Бабушка тоже вздохнула, но когда папа повернулся, снова замерла в кресле, закрыв глаза.

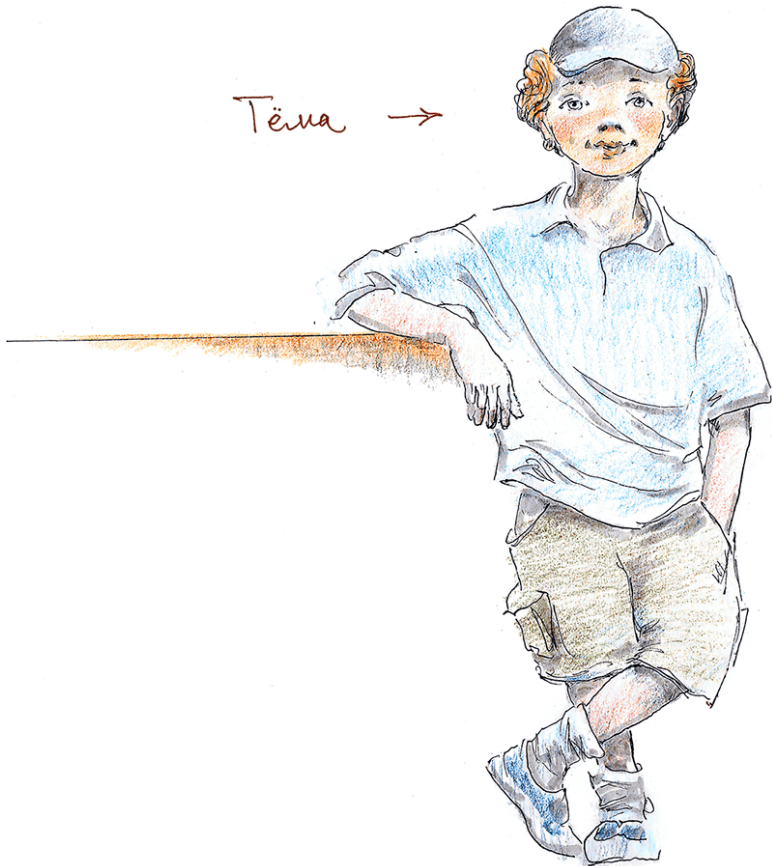
– Ну, конечно же, ты ничего не видела! – язвительно сказал ей папа. – В любой конфликтной ситуации ты принимаешь его сторону!

Бабушка сделала вид, что не расслышала.

Глава третья

Вообще-то Тёма был не очень плохим мальчиком – по крайней мере, папа считал, что бывают гораздо хуже. По маминому мнению, учился он из рук вон плохо, но папа полагал, что не все должны быть отличниками. Мама называла его вруном, а папа считал, что у Тёмы очень развита фантазия. В свою очередь, маме нравилось, что Тёма редко дрался. Она полагала, что этим в мальчике развивается пацифизм – то есть склонность решать проблемы не военными действиями, а с помощью дипломатии, то есть путём переговоров. А папа говорил, что это называется одним словом – трусость.

Тёма →

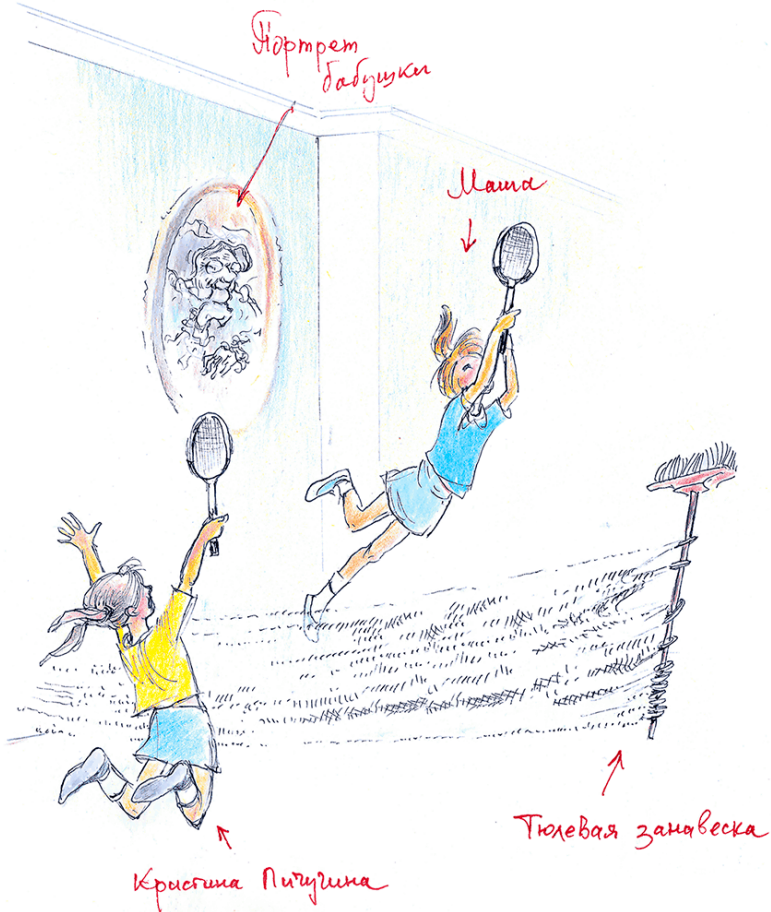

Но в этот раз родители были заодно: Тёму наказали. И за то, что хотел прогулять школу, и за то, что попытался всё свалить на младшую сестру, и за то, что Маше из-за него до-

сталось, и, наконец, за то, что перевернул вверх дном чулан.

Потому что Тёме и Маше было запрещено играть в чулане, что-то там трогать или оттуда брать. И однажды уже крепко попало за устроенный там беспорядок.

Дело было так. Одним зимним вечером папа с мамой собрались на лекцию о летающих тарелках. А Тёма с Машей должны были поужинать, вымыть посуду, позаниматься музыкой, поиграть в тихие настольные игры – в лото или цветочное домино, – почистить зубы и лечь спать.

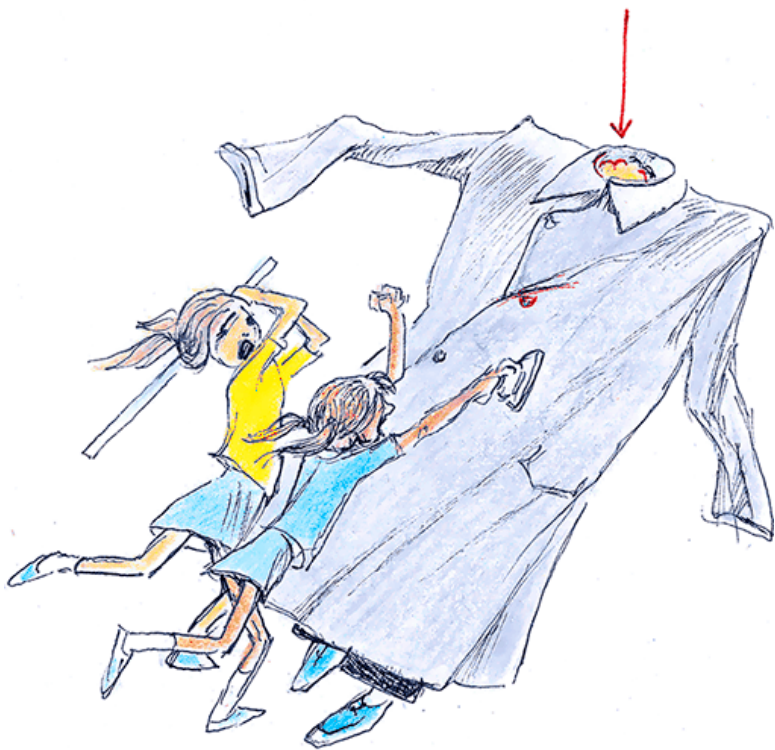
Папа и мама не успели ещё выехать из двора, как Тёма позвонил своему лучшему другу Валере Пичугину, и тот явил-

ся со своей сестрёнкой Кристиной, Машиной ровесницей. Девчонки немедленно натянули поперёк коридора тюлевую занавеску, снятую в гостиной: они затеяли теннисный матч между Марией Шараповой и Аллой Пугачевой. И такие раздавались крики и шум, что Тёма с Валерой, в папином кабинете игравшие на его компьютере, выскочили в коридор. Тёма велел девчонкам затихнуть, чтобы не разбудить живущего в чулане ужасного однорукого великана Ваню, который, если проснётся, разнесёт весь город. Но Маша и Кристина уже так разыгрались, что потребовали немедленно пробудить этого Ваню: они готовы с ним сразиться и освободить город от опасности. И побежали в Машину комнату вооружаться.

Когда они вернулись – Маша с детским, но чугунным утюжком, а Кристина с железной трубой от пылесоса, – в коридоре погас свет, медленно, со скрипом отворилась дверь чулана, и появился силуэт огромного человека в длинном чёрном одеянии. И без головы. Единственная рука его была простёрта вперёд, он медленно ступил в коридор.

Маша и Кристина завизжали от страха, но не кинулись улепёгивать. Говорят, такое случается с зайцами при встрече нос к носу с волками в дремучем лесу. Девчонки, умирая от ужаса, кинулись на однорукого Ваню. Они молотили его кулачками, утюжком и пылесосной трубой, зажмурившись и непрерывно, на одной высокой ноте, визжа.

Тёмная шуба

↑
Паника
набто

Вообще-то, их можно было назвать героями. Они сражались со страшным великаном, как зайцы с волком, они же не знали, что однорукий Ваня – это на самом деле Тёма. Он надел на себя папино пальто, Валера застегнул все пуговицы, и ту, что на воротнике, так что и левая рука, и голова оказались внутри. И теперь бедный Ваня-Тёма пытался вслепую, единственной рукой, отбиться от девчонок. Наткнулся на стул, упал, как корова. Нащупывая дверь в чулан, сквозь пальто глухо молил о пощаде:

– Кончайте, больно же! Вы что, опухли! Валера, это ты, гад, нарочно?

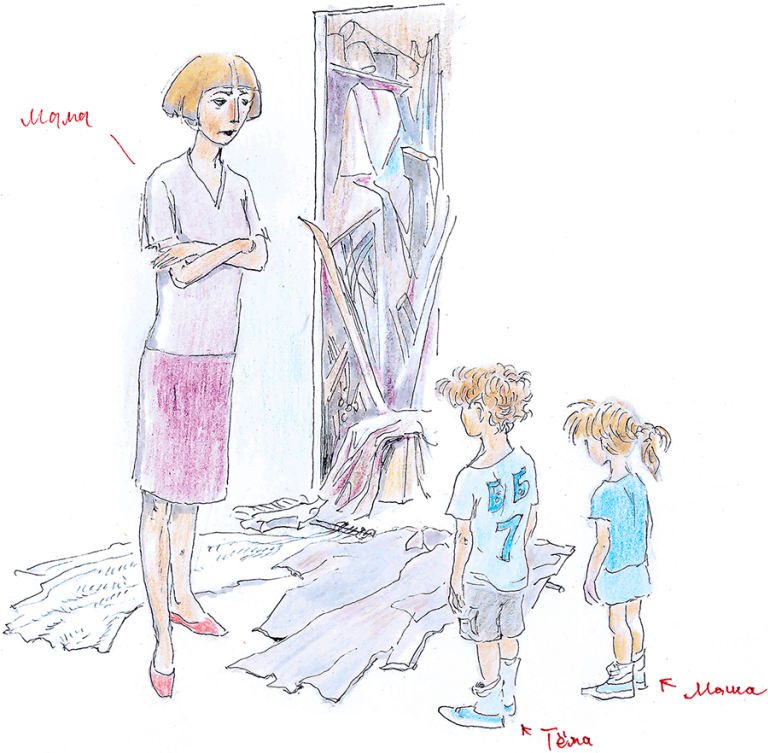
Валера и рад был помочь, но не мог, потому что так хохотал, что даже на пол сполз от смеха. И бабушка на портрете смеялась до слёз, отворачивалась, отмахиваясь платочком. А Тёму в чулане, не переставая, молотили вошедшие в раж девчонки. С чуланных полок на него падали старые подушки, сломанные лыжи, пыльные коробки... И тут во дворе слышался звук подъехавшей машины – вернулись родители.

В тот же вечер мама объявила, что отныне Артёму и Марии строжайше запрещается без разрешения на то взрослых заходить в чулан, играть там в подвижные и иные игры, что-либо выносить оттуда и вообще производить любые действия, которые могут нарушить порядок и покой находящихся там вещей и предметов.

Учкан

Мамал

Тейна

Момма

Глава четвёртая

Итак, Тёму наказали. За чулан, за хнычущую Машу, за враньё и за попытку прогулять школу. Ему было велено сделать все – да-да, все! – уроки, разучить на пианино «Танец маленьких лебедей», вымыть посуду, вычистить домик павлина и навести порядок в чулане. С каждым перечисленным делом голова Тёмы опускалась всё ниже и ниже. Он думал, что если бы он работал в контрразведке и допрашивал иностранных шпионов, он заставлял бы их делать уроки, играть на фортепьяно, мыть посуду, чистить дом павлина и наводить порядок в пыльном вонючем чулане. И уже через пять минут иностранный шпион просил бы пощады и выдавал все государственные тайны и секретные сведения.

Дом, где живет Тёма, его мама, папа
и сестра Маша.

Доброе утро
нужно
заполнить.

Наказанный
Тёма

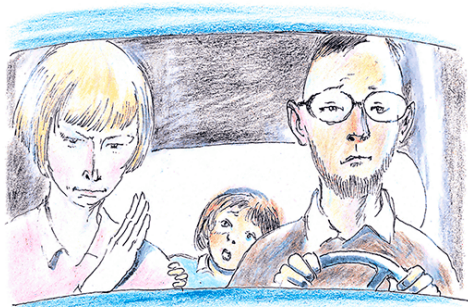
И, самое главное, родители не взяли Тёму с собой в город на праздник.

– Пусть посидит дома – сказала мама, – Без купания, без ярмарки, без сладкой ваты, без пиццы и без кино.

Она посмотрела на папу, как будто папа собирался что-то возразить, но тот молчал. Павлин во дворе торжествующе закричал противным голосом и раскрыл облезлый хвост.

Тёма тихонько показал павлину кулак и клятвенно пообещал маме всё исполнить: и рюкзак достать, и уроки сде-

лать, и «танец лебедей», и посуду, и порядок в чулане, самым тщательным образом. Только пусть его, пожалуйста, всё-таки возьмут с собой. Он понял, насколько отвратительно поступил, и испытывает самые свирепые муки совести. Тёма представил себе эти муки, которые в его воображении походили на средневековые пытки. Совесть, как ему почему-то казалось, располагалась где-то повыше живота. И когда он вообразил раскалённые щипцы, приближающиеся к совести, он почти искренне заплакал. Но мама отвернулась, будто ничего не слышала и не видела.

Мама за рулём
←

Родители были так рассержены и расстроены, что даже не поцеловали Тёму на прощание.

Машина стала разворачиваться во дворе. Маша, посмотрев на одиноко стоящего на крыльце брата, прошептала па-

пе, что, может быть, Тёма уже исправился и они возьмут его с собой? Папа остановил машину и вопросительно взглянул на маму.

– Нет, – решительно сказала мама. – Его и так некоторые слишком часто прощают! – При этом она посмотрела на папу. – И мальчик растёт лгуном, эгоистом и лентяем!

С крыльца Тёма видел, как в машине мама продолжала что-то возмущенно говорить, показывая на Тёму. Папа угрюмо кивал. Машина выехала со двора. Тёма, засунув руки в карманы и насвистывая, пошёл в дом. Пусть все видят, что не очень-то и хотелось ему на какой-то там праздник.

Чтобы сесть за уроки, нужно было сначала достать рюкзак. Но как это сделать, Тёма пока не придумал. Он прошёлся по дому. Бросил взгляд на гору оставшейся от завтрака посуды в раковине. С этим он разберётся после того, как пообедаёт и поужинает – всё равно тарелок прибавится, зачем делать одно неприятное дело несколько раз. Заглянул в чулан. Там было пыльно и скучно. Покосился на бабушкин портрет. Баба Маруся сурово покачала головой.

Портрет бабушки

Самый
стул

Дверь на кухню

Тёма, не глядя на бабушку, со вздохом забормотал, как ему невыносимо стыдно. Ведь он – лгун, эгоист и лентяй. Он схватился за голову, заговорил громче:

– Я родную сестру хотел подвести под незаслуженное наказание! И как мне теперь жить с таким грузом на совести!

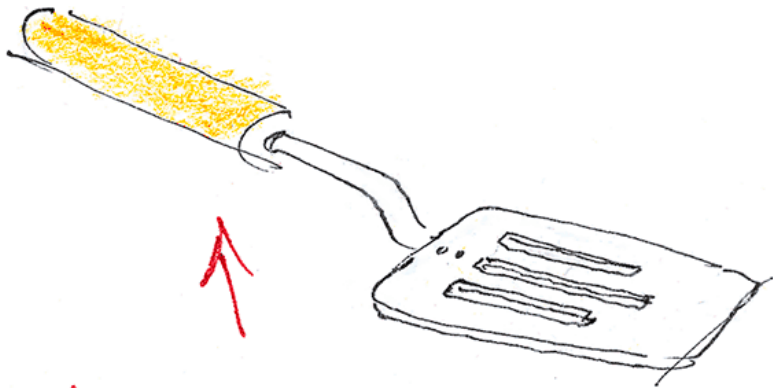
Продолжая проклинать себя, он удалился на кухню. Бабушка на портрете удивилась – непривычно было слышать такие слова от внука.

Тёма показался в проёме кухни с огромным сверкающим ножом в руке.

– О, горе мне! Я – позор семьи, и за всю оставшуюся жизнь мне не искупить тех несчастий, что принёс я родителям и сестре! Но теперь я знаю, что нужно сделать для их будущего покоя и благополучия!

Тёма широко размахнулся и... Бабушка увидела, как он ударил себя страшным ножом в грудь, да так, что только рукоятка осталась торчать. Тёма зашатался, ноги его подкосились. Он сделал несколько неверных шагов и с грохотом упал за поворотом коридора, там, где бабушка не могла его видеть.

На самом деле в руке у него был не нож, а обёрнутая фольгой лопатка для пирогов, которую он ловко зажал под мышкой. Он чуть-чуть полежал на полу, надеясь, что бабушка закричит или зарыдает. Но было тихо. Тёма забеспокоился. Может быть, ей стало плохо?

Установка газ
пуров

Обёрнутая
фольгой лопатка
для пирогов

Он бесшумно подполз к углу и осторожно выглянул. Ба-

бушка с портрета с насмешкой смотрела прямо на него и, встретившись глазами, покрутила пальцем у виска. Потом, зевнув, отвернулась.

Ну и не надо. Тёма пошёл в свою комнату, всю увешанную фотографиями футболистов, гоночных машин и рок-музыкантов, громко включил музыку и стал скакать на кровати, как на батуте. Из коридора раздался голос бабушки:

– Тёма! А уроки?! А музыка?! А посуда?! А чулан?! Я всё расскажу!

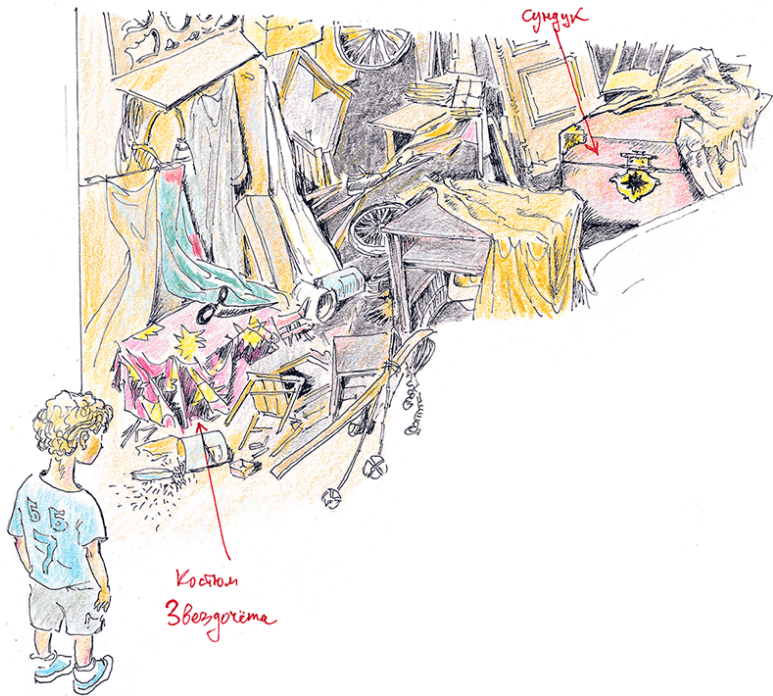
Тёма, вздохнув, выключил плеер и с неохотой побрёл в чулан.

Тема на картината

Глава пятая

Тёма с тоской смотрел на беспорядок в чулане – пыльные, старые вещи, свалившиеся с полок прошлой ночью, когда он вытаскивал костюм Звездочёта... В маленькое окошко под потолком заглянуло солнце, и в углу что-то блеснуло – что-то, чего Тёма раньше в чулане не видел. Он отодвинул в сторону старые платья и пальто, отшвырнул сломанные стулья и детские лыжи с ботинками, полез в угол.

Бабушка на портрете нахмурилась.

В углу обнаружился большой старинный сундук с коваными узорами на боках. Тёма попытался его открыть, но крышка не поддавалась. Не помогли ни ножка табуретки, ни отвёртка, ни лыжная палка, ни согнутая пополам вешалка, ни большой гвоздь – сундук был надёжно заперт.

Тёма исследовал замочную скважину. От большой дырки

для ключа расходились лучи бронзовой звезды. Тёма щелкнул пальцами, воскликнул: «Скарафаджо!» и побежал в папин кабинет.

– Тёма! – попыталась его остановить бабушка.

В папин кабинет Тёме тоже нельзя было заходить. Запрещение это случилось после того, как однажды папа с мамой уехали смотреть редкое астрономическое явление – затмение Луны, а к Тёме пришёл Валера Пичугин, чтобы делать арифметику. Но как-то так случилось, что вместо арифметики они придумали кататься с папиного кульмана. Если доску правильно наклонить, то с неё можно замечательно съезжать на животе, как с горки. А из ненужных папиных чертежей сделать снег и сугробы...

В общем, после этого Тёму допускали в кабинет только для воспитательных бесед. Говорила, в основном, мама. Говорила долго и научно, так что Тёма быстро переставал слушать и от скуки внимательно разглядывал всё, что стояло, лежало и висело на стенах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.